Даже заставило его поначалу усомниться, не пользуется ли Чжан Юань кнопочным телефоном для стариков, не способным подключиться к сети.

Конечно, позже выяснилось, что собеседник не настолько примитивен.

Просто он не любил просматривать сообщения.

Путь предстоял неблизкий. Чжан Юань не жаловался на боли в пояснице, а Цзи Вэйи считал, что раз уж заплатил за билет, грех не воспользоваться удобным креслом.

Желая немного расслабить обстановку, он принялся вести непринужденную переписку и набрал в WeChat: Давай поболтаем?

Чжан Юань почувствовал вибрацию, вытащил телефон, бросил на него быстрый взгляд и ответил там же: О чем?

Сначала Цзи Вэйи подумал, что тот не умеет пользоваться смартфоном, но, к своему удивлению, обнаружил, что Чжан Юань печатает молниеносно — его большие пальцы порхали над экраном так быстро, что превращались в размытые тени.

О чем угодно. Расскажи о себе, или обо мне. У тебя разве нет никаких вопросов?

Ему было искренне любопытно. В тот день в больнице Чжан Юань исчез на какое-то время, а потом внезапно возник снова, лишь бросив фразу: Иду с вами.

С тех пор он сразу дал номер удостоверения личности, когда потребовалось купить билет, попросил длительный отпуск в автомастерской, где подрабатывал, и больше не задал ни единого лишнего вопроса.

Даже если бы его вербовали для съемок в порнофильмах, и то пришлось бы подписывать контракт, а Чжан Юань вот так просто сел с ними в скоростной поезд.

И ведь не боялся, что его продадут в Северную Мьянму и заставят заниматься телефонным мошенничеством.

То ли он был таким наивным простаком, то ли у самого Цзи Вэйи лицо настолько внушало доверие.

Чжан Юань, который только что печатал очень быстро, внезапно замолчал на долгое время. Цзи Вэйи подумал, что тот, должно быть, в принципе не привык общаться с людьми, и начал лихорадочно соображать, как бы сменить тему.

Вдруг Чжан Юань подал голос: У тебя плохо со здоровьем?

По логике вещей, это должен был быть вопрос. Но интонация у Чжан Юаня была сухой, порой сложно было уловить истинный подтекст.

Прозвучало это так, будто он просто констатировал факт.

Дыхание Цзи Вэйи перехватило, выражение лица под маской на мгновение застыло.

Ого, а ведь с виду неразговорчив, зато как умеет выбирать темы.

Попал в одну из немногих болевых точек, о которых Цзи Вэйи не хотел говорить правду.

В тот день он сам себя чувствовал слишком плохо, чтобы вспомнить об этом, и лишь когда вернулся Цзи Цзинь, спросил: Ты ведь не сказал ему, что я болен?

Что за глупости — болен, не болен, — огрызнулся Цзи Цзинь. — Я сказал ему, что для съемок в кино нам не хватало именно такого человека, как он.

Ну и ладно. Не говори ему об этом и впредь не упоминай.

Отдав распоряжение, он сам почувствовал себя странно.

Он прекрасно знал, что в семье все избегают разговоров о его пороке сердца, и лишь он сам относился к этому проще всех.

Но почему-то именно Чжан Юаню он не хотел открываться.

Вероятно, потому, что куда бы он ни отправился, его всегда опекали, и даже после тридцати с лишним лет с ним часто нянчились как с ребенком, и только рядом с Чжан Юанем он почувствовал удовольствие от роли старшего.

Поэтому ему ужасно не хотелось создавать себе образ слабого и болезненного.

Все они называли Фэн Фаня дядей, так что вполне логично было считать себя старшим братом Чжан Юаня.

Разница в возрасте была четырнадцать лет, так что называть того братом — это еще по-божески.

Бактериальная инфекция, — Цзи Вэйи спустил маску, чтобы Чжан Юань отчетливо видел движения его губ. — Дядя Фэн скончался, вот и настроение паршивое.

Плохое настроение подрывает иммунитет, а слабый иммунитет ведет к простуде.

Безупречное объяснение.

Если не считать того, что сидевший по диагонали Цзи Цзинь повернул голову и искоса взглянул на него.

Чжан Юань молчал, глядя на бледное лицо и посиневшие губы Цзи Вэйи, скрытые маской.

Конечно, когда человек болен, вид у него не самый здоровый, но от Цзи Вэйи всегда исходило ощущение не просто легкой простуды или жара.

Это была болезненная бледность, вызванная нехваткой жизненной энергии — настолько слабая, будто этот человек мог просто испариться под лучами солнца.

Светло-голубая медицинская маска скрывала изможение. Цзи Вэйи подтянул её повыше, решив, что Чжан Юань принял его объяснение.

Только он хотел завести разговор, как понял, что беседа зашла в тупик, и не мог придумать, что еще сказать.

Чжан Юань все так же сидел ровно. Цзи Цзинь, напротив, постоянно беспокоился о нем и то и дело оборачивался.

Цзи Вэйи это начало раздражать, он уже хотел сказать: Отдохни ты немного, я что, с поезда на ходу спрыгну? — как вдруг услышал, как Чжан Юань произнес: Поменяемся?

Он обращался к Цзи Цзиню.

Парнишка оказался довольно проницательным.

Цзи Цзинь, который только и мечтал о том, чтобы быть поближе к Цзи Вэйи и приглядывать за ним, тут же согласился.

Цзи Вэйи изначально настоял на том, чтобы Чжан Юань сел рядом, лишь чтобы Цзи Цзинь перестал ему докучать, но, взглянув на сидевшего рядом Чжан Юаня, не стал возражать.

На самом деле, рядом с ним было как-то неловко, лучше уж пусть тот сидит один и расслабится.

Цзи Цзинь остался очень доволен чуткостью Чжан Юаня и даже дал ему пару советов, что можно откинуть спинку кресла.

Увидев, что тот не двигается, он сам нажал на кнопку регулировки, немного опустив спинку.

Пересев к Цзи Вэйи, он, пользуясь тем, что Чжан Юань плохо слышит, начал откровенно обсуждать его: Хорошо, что детям неплательщиков не ограничивают поездки, а то бы он и билет сюда не купил.

А потом добавил: Не повезло же ему с таким отцом, просто беда.

При упоминании этой темы у Цзи Вэйи разболелась голова: По возвращении надо будет как следует помочь ему во всем разобраться.

После того как им удалось удачно увлечь за собой Чжан Юаня, они задержались в Хуачэне всего на два дня. За это время, помимо капельниц в больнице, они успели уладить все вопросы по пробам с Чэн Цю и подтвердить все необходимые связи Чжан Юаня в Хуачэне.

Заодно помогли Чжан Юаню проверить кредитную историю — и, как и говорил Фэн Чэнъе, у того действительно был отец, который набрал долгов и сбежал.Дом был заложен банку, а сверх того тянулась вереница различных сетевых кредитов — на поверхности можно было обнаружить немало такого. Удалось выяснить, что Чжан Юань даже сталкивался с насильственным взысканием долгов, поэтому возникло предположение, что его отец брал в округе ростовщические займы под огромные проценты.

В общем, сплошная неразбериха, но, к счастью, Чжан Юань тогда был еще несовершеннолетним, так что долги нельзя было повесить прямо на него.

Пока что это дело поручили другим, чтобы они разобрались, а в присутствии самого Чжан Юаня лишних вопросов не задавали.

Цзи Цзинь нахмурился:

— Бог с ним, с отсутствием кредитного рейтинга, но за эти годы непонятно, где он вообще скитался. Лишь бы не нажил себе судимостей в других краях.

Вот тогда бы действительно заложили мину замедленного действия.

Цзи Вэйи хмыкнул:

— Если фильм и вправду выстрелит, скорее всего, он вернется, чтобы признать сына и помочь ему выплатить долги.

Цзи Цзинь цокнул языком и, повернув голову к Цзи Вэйи, спросил:

— Ты так печешься о том, чтобы фильм выстрелил? Я-то думал, ты стараешься ради дяди Фэна.

В тот день в больнице он не то чтобы всерьез поверил, что Цзи Вэйи ищет благодетеля. Просто, даже прекрасно понимая, что это лишь отговорка, чтобы отделаться от него, он все равно купился.

Цзи Вэйи сложил руки перед собой. Они выехали рано, и сейчас, когда солнце поднялось выше, он почувствовал, как температура его собственного тела словно тоже поползла вверх. Тело стало тяжелым и обмякло, а голос приобрел тягучие нотки:

— Если бы не дядя Фэн, я бы с ним не познакомился. Но я действительно считаю, что он очень подходит.

Время, место, люди — все сложилось настолько удачно, словно этот персонаж был предначертан судьбой и только и ждал встречи с ним.

Произнося это, он начал клевать носом и, сам не заметив, как мысли спутались, выпалил первое, что пришло на ум.

Сидящий рядом Цзи Цзинь внезапно выпрямился:

— Сяо Чжоу, ты что, все еще мечтаешь стать режиссером?!

Он говорил вполголоса, но с сильным нажимом. Цзи Вэйи очнулся от дремы и растерянно посмотрел на него. Затем, прищурившись, тихо рассмеялся:

— Какой еще режиссер? Слишком утомительно, только жизнь сокращать.

Цзи Цзинь едва не подскочил на сиденье:

— Тьфу, тьфу, тьфу! Что ты такое говоришь!

Цзи Вэйи продолжал улыбаться и неторопливо ответил:

— Да, ты прав, я сказал глупость.

Он медленно повернулся в сторону:

— Не буду. Просто увидел подходящего человека, так что в чужом фильме я лишь поучаствую для интереса.

Он повернулся лицом к окну. Поезд пронесся по эстакаде, и вдалеке показался стеклянный купол вращающегося ресторана.

У этого края были свои славные времена. Когда он был маленьким, Фэн Фань однажды водил его в тот самый ресторан.

С детства он был избалован видами, но, оказавшись там, все равно почувствовал восторг и любопытство. Он сидел у окна, смотрел на пейзаж и совсем не помнил, что именно ел.

Позже он стал свидетелем упадка этих мест: ресторан опустел, а в один прекрасный день перестал вращаться.

Многие вещи, стоит им начать угасать, исчезают стремительно — включая былое оживление этих мест и безумные годы двадцатилетнего Цзи Вэйи.

Раньше он был гораздо более экстравагантным, считая, что раз жизнь может быть коротка, нужно брать от нее всё, пока есть возможность.

Он учился на режиссерском факультете в университете, носил длинные волосы и однажды вместе со съемочной группой отправился на машине в безлюдные края, где за целый день пути нельзя было встретить ни одной больницы.

Затем, в столь юном возрасте, его короткометражный фильм получил награду, он ходил по красной дорожке серьезных кинофестивалей и искренне верил, что стал восходящей звездой, готовой совершить великие дела.

В сшитых на заказ костюмах, с безупречной укладкой, он выглядел изысканнее любой мелкой знаменитости на фестивале. Он чуть вскидывал подбородок перед объективом, как бы невзначай, с едва заметной скромностью, присущей молодым азиатам.

На снимках он получался настоящим благородным отпрыском, снующим среди сливок общества, недосягаемым цветком на вершине облаков.

Эти фото даже публиковали на сайте их университета. Глядя на них, он, с одной стороны, чувствовал, что выглядит слишком уж напоказ, а с другой — втайне упивался этим.

Тогда еще не было смартфонов, и он скачивал эти фотографии, пряча их на диске С своего компьютера.

Но уже на следующий год он почувствовал, что силы его покидают. Не желая расслабляться, он упрямился до тех пор, пока пролапс сердечного клапана не привел его в реанимацию — он едва не отправился к праотцам.

Когда он очнулся и открыл глаза, то увидел родителей и старшего брата с красными от слез глазами; они держали его за руки, плакали и умоляли больше не подвергать себя таким испытаниям.

Он хотел сказать, что если человек может оставить после себя хоть миг величия, то жизнь прожита не зря, но в итоге лишь шевельнул губами, прося воды.

Его семья внешне была благополучной и процветающей, а внутри — с понимающими родителями и любящими братьями. Единственным изъяном был младший сын, рожденный с болезнью.

Этот дом, его дом, мог функционировать как идеальное пристанище, пока он был в безопасности и с ним ничего не случалось.

Цзи Вэйи искренне считал, что у него нет причин разрушать это спокойствие.

Видя слезы родных, трудно было рассуждать о том, брать ли от жизни всё. К тому же нынешнее положение дел было совсем не плохим — если жаловаться на такую жизнь, это было бы слишком неблагодарно.

Так думал Цзи Вэйи, погружаясь в полудрему.

Проводник снова пришел разносить обеды.

Еда в скоростном поезде была вполне съедобной, но у него в желудке словно образовался ком, поэтому он лишь приоткрыл крышку и принялся лениво тыкать палочками в рис.

Цзи Цзинь, зная, что при любом недомогании у него пропадает аппетит, попытался дотронуться до его лба:

— Опять температура поднялась?

http://bllate.org/book/37726/4716296